

ка и литературы в Австралия было положено усилиями Н.М. Максимовой (Кристесен), которая выступила организатором в 1949 г. первой на пятом континенте кафедры русского языка и литературы в Мельбурнском университете. Фонды русских книг в австралийских университетах помог создать библиофил и коллекционер К.М. Хотимский. Заметный вклад в становление австралийского национального бага внесли М. Бурлаков, Э. Борованский, К. Абрикосова-Буслова.

Материалы, представленные в монографии А.С. Петриковской, позволяют предположить, что параллельное развитие процессов сохранения своей национальной идентичности и «мягкой», добровольной ассимиляции, типичных для русской и многих других национальных общин Австралийского Союза, стали, возможно, одним из наиболее существенных факторов успеха политики мультикультурализма, лежащей в основе национальной политики современной Австралии.

Собранный А.С. Петриковской фактический материал, безусловно, подтверждает ее вывод о том, что «к середине XX в. русское эхо в культуре Австралии стало гораздо многозвучнее, чем в его начале» (с. 183). Но в то же время образ России в австралийском национальном сознании оказался расщепленным: в зависимости от идеологических предпочтений она рассматривалась или в чересчур позитивном, или в излишне негативном ключе. Однако, по мысли автора, идеологические разногласия не могли разрушить в глазах австралийцев «сущность облика России как великой – в географическом, историческом, культурном измерениях, державы, как созидательницы непреходящих ценностей» (с. 185). А.С. Петриковская выражает надежду, что эта двойственность восприятия австралийцами России и русских исчезнет по мере развития эволюционных процессов в современной России и расширения непосредственных контактов между народами двух стран.

Вызывает уважение скрупулезность, с которой автор монографии выявляет и анализирует факты соприкосновения русской и австралийской культур в области литературы, музыки, изобразительного и театрального искусства. Вместе с тем практически за пределами проведенного А.С. Петриковской исследования остались, к сожалению, не менее значимые факты взаимодействия русской и австралийской науки. После окончания второй мировой войны и переселения в Австралию свою деятельность в этой стране успешно продолжили ученые-«харбинцы» (например, востоковед А.П. Хионин), а также русские инженеры, получившие образование в Харбинском Политехническом институте. В тексте монографии – в целом тщательно выверенном – встречаются досадные неточности. Так, на с. 16 утверждается, что к рисункам художника Е.М. Корнеева, участника кругосветной экспедиции на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», обращаются современные географы и этнографы. Это неверно: рисунки Корнеева, сделанные в ходе этой экспедиции, до наших дней не дошли. На с. 123 отсутствуют даты жизни писателя Г. Бландена, хотя в аналогичных случаях эти данные для других персонажей монографии указываются. Можно отметить как позитивный факт наличие в рецензируемой монографии иллюстраций, однако их (видимо, по не зависящим от автора причинам) гораздо меньше, чем того требует тема, посвященная соприкосновению культуры и искусства двух стран.

Отмеченные недочеты, разумеется, не снижают исключительно благоприятного впечатления от рецензируемой работы. А.С. Петриковской удалось воссоздать панораму культурного взаимодействия России и Австралии, ее исследование представляет собой заметный вклад в отечественное австраловедение. Труд А.С. Петриковской несомненно будет интересен не только для культурологов и литературоведов, но и будет в полной мере востребован специалистами в области межэтнических контактов и имагологии.

А.Я. Массов

© ЭО, 2003 г., № 2

Ценные исследования по этноархитектуре (о трудах С.О. Хан-Магомедова, посвященных зодчеству народов Южного Дагестана)

Стало уже общим местом, что в XX в. многие важные и крупные открытия достигались на стыке разных, подчас, казалось бы, несовместимых областей знания. В архитектуроведении есть сложнейший раздел, названный академиком Российской Академии архитектуры и строительных наук В.П. Орфинским «этноархитектурой». Этот термин подразумевает, что ни объемно-пространственное построение зданий, комплексов и поселений, ни их художественный образ, ни декоративное оформление, оборудование жилища и мебель не могут быть поняты, научно описаны и систематизированы без глубокого знания народного быта, языка, культурных ценностей, духовных и светских обычаев и ритуалов, представляемого этнологией (социальной антропологией), историей, религиоведением, лингвистикой и другими научными дисциплинами. Со своей стороны архитектуроведение, изучая и описывая среду жизнедеятельности чело-

века и общества, не только дает огромный и многогранный материал для этих наук, но позволяет им делать заключения в своих областях.

В современном российском архитектуроведении сложилось несколько крупных научных школ исследователей народного зодчества, возглавленных историками архитектуры и одновременно знатоками этнологии и других смежных наук Г.Я. Мовчаном, А.В. Ополовниковым, В.П. Орфинским, С.О. Хан-Магомедовым.

Более пятидесяти лет Селим Омарович Хан-Магомедов, доктор искусствоведения, действительный член Российской Академии архитектуры и строительных наук и Международной Академии архитектуры. Заслуженный архитектор Российской Федерации и Заслуженный деятель науки Дагестана посвятил изучению зодчества народов, населяющих территорию Южного Дагестана – лезгин, табасаран, лакцев, рутулов, цахуров, агулов, и города Дербента.

Эта работа, начатая С.О. Хан-Магомедовым еще в годы учебы в Московском архитектурном институте, характеризовалась многолетними, с 1949 по 1959 г., ежегодными, а позже периодически проводившимися натурными экспедиционными исследованиями объектов зодчества, во время которых им было обследовано 129 аулов Южного Дагестана и регион г. Дербента с его грандиозной оборонительной системой, выявлено и зафиксировано более 1800 памятников архитектуры, в числе которых 1200 жилых домов, около 120 мечетей, 19 минаретов, более 115 хозяйственных построек, 54 мавзолея, 12 бань, 18 мостов, 2 акведука, более 50 оборонительных сооружений, около 70 порталов, 47 родников, 68 надмогильных памятников и другие сооружения. Эта полевая фиксационная работа была проведена крайне своевременно, так как до сегодняшнего дня в первозданном виде, без кардинальных перестроек сохранились лишь немногие памятники архитектуры, остальные утрачены или перестроены.

Этническая уникальность Дагестана определяется очень большим числом этносов и этнических групп. Выделение самостоятельных этносов, кроме очевидного самосознания народов, обычно основывается прежде всего на языке. Некоторую роль иногда играют преимущественные виды ремесленной деятельности и специфика орнамента в украшении одежды, утвари, бытовых предметов. С.О. Хан-Магомедов в своих исследованиях рассматривает народную архитектуру во всех ее проявлениях, но прежде всего как один из художественных языков, способных быть надежным определителем и представителем культуры этноса. Это относится и к системе расселения, выбору места для конкретного поселения и его планировочного решения, типологическому набору зданий и сооружений в ауле, к объемно-пространственным и планировочным решениям самих зданий и сооружений и их интерьеров, к декоративным решениям и обработке архитектурных деталей, мебели и бытовой утвари.

Для получения достоверных свидетельств о специфике архитектурного языка отдельных народов необходимы scrupulous этнографические исследования всех составных элементов этого языка, что и является областью деятельности С.О. Хан-Магомедова в изучении архитектуры народов Южного Дагестана.

Проведение натуральных полевых обследований носило комплексный характер и заключалось в подготовительной картографической работе и изучении доступных автору материалов и уже опубликованных научных работ по этнографии, географии, истории, археологии, архитектуре Дагестана и всего Северного Кавказа; в выполнении всего комплекса разведочных, обмерных, графических и фотофиксационных работ, рисунков, эстампажей, ведении полевых дневников, бесед с местными жителями и последующей камеральной обработке всех материалов при возвращении из экспедиций. На выставке к юбилейной сессии Российской Академии архитектуры и строительных наук (Москва, апрель 2002 г.) С.О. Хан-Магомедов выставил кроки обмеров, выполненные графически исключительно тщательно, точно и изящно.

По результатам полевых исследований в 1950–1970-х годах С.О. Хан-Магомедов опубликовал свыше 40 статей в журналах и сборниках «Архитектурное наследство», «Советская этнография», «Советская археология», «Архитектура СССР», «Памятники культуры» и др., посвященных отдельным вопросам истории архитектуры народов Южного Дагестана, а также пять книг (некоторые совместно с другими исследователями)¹.

В настоящее время С.О. Хан-Магомедов подводит определенные итоги своей комплексной деятельности по истории и анализу зодчества Южного Дагестана, выпуская серию из восьми книг, посвященных народной архитектуре этого региона: 1) Ругульская архитектура. М., 1998; 2) Цахурская архитектура. М., 1999; 3) Дагестанские лабиринты. Проблемы автохтонности и топологии. М., 2000; 4) Агульская архитектура. М., 2001; 5) Даг-бары и Дербентская крепость. М., 2002 (все – в Издательстве «Ладыя»); 6) Лакская архитектура; 7) Табасаранская архитектура; 8) Лезгинская архитектура.

Первые пять книг этой серии уже вышли из печати и известны специалистам по истории архитектуры и этнологам.

Книги серии, посвященные истории народного зодчества конкретных этнических образований, в целом строятся по общей принципиальной схеме – от общего к частному. Очень ценным представляется то обстоятельство, что все вышедшие тома по архитектуре отдельных народов предваряются специальной главой с изложением авторского взгляда на некоторые важные теоретические проблемы истории зодчества горских народов, остающиеся до сих пор дискуссионными.

Первая из них связана с проблемой зависимости архитектурно-градостроительных решений поселений от специфической формы кровнородственных связей в дагестанских семейных общинах, называемых тухумами, и от системы организации отдельных тухумов в более сложную родовую группу или территориальную соседскую общину – джамаат.

Вторая проблема прямо касается вопросов происхождения древнейших типов жилища, отвечающих потребностям социальной организации этносов. В качестве наиболее изученного рассматривается жилище типа дарбази – помещение зального типа с ложным ступенчатым деревянным или каменным сводом, бытовавшее во многих районах Кавказа, поиски прототипов которого в Дагестане автором пока не увенчались успехом.

Еще одна важная проблема изучения народной архитектуры Дагестана – это проблема поисков исторического места жилых и боевых башен, дома-крепости вообще и башенной архитектуры как наиболее заметного и потому наиболее известного типа зданий горцев, роль которых, в частности, в Дагестане, по мнению автора, основывающегося на натуральных исследованиях, преувеличивается многими исследователями.

Существенной для народной архитектуры Дагестана остается проблема большой семьи и однокамерного жилища. Здесь автор поддерживает точку зрения Г.Я. Мовчана и не обнаруживает при натуральных наблюдениях препятствий между пространственной организацией традиционного однокамерного жилища и социальной организацией большой патронимической семьи, что позволяет сделать вывод о раннем происхождении последней и соответствующего ей типа жилища.

Наконец, ключевой проблемой для исследований по народной архитектуре Дагестана, как, по-видимому, и для архитектуры любого народа, остается проблема автохтонности, происхождения и национального своеобразия. С позиций современного глобализма можно было бы считать эту проблему архаичной, но именно из-за нее в мире и сегодня льется кровь, и она является порой единственным решающим аргументом в территориальных спорах, кроме оружия, разумеется.

Другие проблемы народного зодчества Дагестана, специально рассматриваемые автором, также прямо или косвенно связаны с вечной проблемой автохтонности и национального своеобразия: возможности первоначального выполнения объектов народного зодчества из деревянных конструкций и ограждений с постепенной последующей заменой их каменными; деревянный ордер в интерьере как важнейший элемент национального своеобразия архитектуры, влияние восточно-мусульманской стилистики на народное зодчество Южного Дагестана, проблема развития художественного вкуса.

Очевидно, что все эти важные проблемы чрезвычайно трудны для однозначного решения, если оно вообще существует. Но сами проблемы вполне реальны, и глубочайшее знание объектов исследования и широкая научная эрудиция С.О. Хан-Магомедова приводят его к чрезвычайно деликатному подходу – комплексному критическому рассмотрению всех известных точек зрения и самого натурального материала с обязательной констатацией собственного мнения, высказываемого отнюдь не категорично, но с фиксацией собственных сомнений в его однозначности. Но в этом и состоит один из принципов науки – никогда не считать проблему решенной и закрытой.

Дальнейшее изложение материала в книгах Селима Омаровича ведется по классической типологической схеме: историко-этнографические очерки, описание системы расселения с рассмотрением планировки аулов, оборонительных сооружений и мостов, анализ планировочных и объемно-пространственных решений объектов жилищно-хозяйственных комплексов разного типа, культовых и мемориальных сооружений. В приложениях приводятся полевые дневники и своды основных архитектурных объектов, исследованных автором – этот ценнейший для науки материал редко когда удостоивается публикаций.

Из книг серии несколько выделяется относительной известностью материала, впрочем, заново проанализированного, интерпретированного и сопоставленного с аналогами в других регионах, том по архитектуре Дербентской крепости и Горной стены Даг-Бары, закрывавшей Дербентский проход, – комплексов, известных по письменным источникам еще с раннего средневековья и являющихся памятниками архитектуры многих мастей варваров и завоевателей, стремившихся к контролю над этой территорией.

Особое место в серии занимает книга о дагестанских лабиринтах, уникальном магическом и художественном явлении, по-видимому, если не планетарного, то уж по меньшей мере европейского масштаба. Вопрос о назначении их при всех различных трактовках, решается в пользу амулетов-оберегов, хотя есть и другие мнения, особенно относительно крупных лабиринтов из камней в Беломорье. Эти удивительные объекты, сохранившиеся до наших дней в разных формах, обнаружены в России, Швеции, Финляндии, Норвегии, Великобритании и в Дагестане. Их изображения обнаружены на древнегреческих монетах и этрусских вазах. Но больше в Европе они нигде не найдены. Таким образом, к трем известным регионам существования лабиринтов – Северная Европа, Западная Европа, античное Средиземноморье, – прибавляется четвертый – малая горная страна на Восточном Кавказе. С.О. Хан-Магомедов показывает, что вероятность исторического их изобретения ничтожна, так как их правильное построение возможно только при знании класической архитектуры. Следовательно, это знание передавалось только непосредственно от одного знающего человека к другому. Пути проникновения этого знания в Дагестан совершенно необъяснимы. Впрочем, можно не согласиться с утверждением автора об исключительности лабиринтов

Дагестана в районе восточнее Средиземноморья. Автор справедливо отмечает, что они в других местах не найдены, но не «найденны» в археологии не означает, что их не было (или не могло быть) в прошлом. Самым поразительным оказалось то, что в одном из аулов Дагестана, во время экспедиций туда С.О. Хан-Магомедова, ему удалось встретить человека, знающего этот «ключ» и помнившего, как им нужно пользоваться, что давно уже забыто в Европе. В этой книге автор анализирует все европейские лабиринты, особенно все 50 известных дагестанских лабиринтов, и приходит к выводу, что без знания «ключа» не то что начертить правильно лабиринт, но и скопировать его очень трудно.

Автор подвергает специальному геометрическому анализу собственно методы построения лабиринтов с помощью «ключа» и рассматривает теоретически возможные варианты применения «ключей» более высоких порядков, а также «ключей» с числом осей более двух и обнаруживает, что усложнение приемов построения не изменяет определяющего смысла классических лабиринтов – единственности пути входа и выхода из него с обязательным прохождением всех «коридоров».

Возможно, это священное изображение восходит к загадочным мегалитическим «народам моря». Памятники их культового творчества включают Стоунхендж, дольмены и менгиры Северной Европы, сейды Беломорья, наконец, дольмены опять-таки кавказского региона – Северо-Западного Кавказа.

Книга о дагестанских лабиринтах, возможно, наиболее философичная из рецензируемой серии и в то же время наиболее концепционная, темпераментно написанная, подчас полемичная и позволяющая проникнуть в святая святых ученого – его методологию и в процесс познания и формирования взглядов и позиций.

Особенностью этого уникального многотомного издания в целом является авторское выполнение всего графического иллюстративного материала, включая необычайно живописные изображения каменных кладок и архитектурных деталей фасадов и тончайшие прорисовки резных орнаментов деревянных деталей интерьеров, вряд ли доступные даже профессиональному художнику, так как здесь требуется понимание не только того, *как* это сделано, но и *почему* это так сделано.

Хочется пожелать скорейшего завершения выпуска в свет всей задуманной серии книг.

Примечание

¹ Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956 (в соавт. с Г.Н. Любимовой – женой, спутником в экспедициях, вместе с ним обмерявшей и вычерчивавшей памятники зодчества). Дербент. М., 1958; Лезгинское народное зодчество. М., 1969; Дербент. Путеводитель по городу и окрестностям. Махачкала, 1976 (в соавт. с И. Гурлевым и Г. Малкиным); Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.

А.А. Воронов, В.Л. Хайт